

Киер Удо

А.В. Д. 2000

Удо КИЕР:

Известия. — 2000. — 20 янв. — с. 1, 10

Москва уже не годится для съемок фильма ужасов

Удо Киер — любимый актер Энди Уорхола, самый стильный Франкенштейн на свете и главный европейский кинозлодей, по странному стечению обстоятельств возглавляет жюри фестиваля «Лики любви». Впрочем, вся жизнь Киера — одни сплошные случайности и странности. В 44-м он оказался единственным младенцем, который выжил, когда в кельнский роддом, где он появился на свет, попала американская бомба, а с культовыми режиссерами он знакомится невзначай — то в самолете, то в пивной. В перерыве между двумя конкурсными просмотрами Удо Киер поговорил с корреспондентом «Известий» Романом ВОЛОБУЕВЫМ о вампирах, фон Триере и извечной привлекательности зла.

— Не трудно ли профессиональному злодею и вампиру возглавлять жюри фестиваля, где все фильмы про любовь?

— Злодейско-вампирическая часть моей работы более известна, но я еще много кого играл. У того же Фасбиндера я не был злодеем... Да и само понятие вампи-

ризма очень тесно связано с любовью; укусы в шею — очень эротичная вещь, это своего рода поцелуи. Так что никаких особенных трудностей с восприятием фильмов про любовь у меня не возникает. Я актер и потому вполне могу оценивать фильмы с профессиональной точки зрения.

— Вы с прошлого года еще и режиссер...

— Я действительно начал снимать фильм в рамках Догмы-95, который называется «История Лолы Штайн, или Крошки печенья». Но он еще не готов. На меня навалилось несколько других больших проектов, и работу пришлось прервать. Я надеюсь закончить его в этом году. Это комедия об инвалидах, которые зарабатывают на жизнь телефонным сексом и конструируют авторскую мебель. Ну да, согласен, довольно странная история. Исполнителей я нашел на улице: это настоящие транссексуалы, и действительно парализованные, актеров в фильме не будет...

— Похоже, вы серьезно прониклись философией Дог-

мы-95. А ведь сам фон Триер от нее уже откестился.

— Ларс не отрешивался от Догмы. Просто... это же тоска смертная, когда все вокруг начали штамповать догма-фильмы. Мне кажется, что изобретение Догмы — столь же этапное событие в истории кино, как, скажем, после 68-го года с подачи Трюффо кинофестивали перестали быть вотчиной коммерческого кино. Это очень здорово для молодых режиссеров: пользуясь правилами Догмы, можно делать качественное арт-кино очень дешево. Конечно, все есть предел: я делаю Догму №7, и это еще куда ни шло. А вот Догма №25 — это уже будет звучать смешно.

(Окончание на 10-й стр.)

Удо КИЕР:

Москва уже не годится для съемок фильма ужасов

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Вы еще участвуете в фильме фон Триера, который снимается на протяжении 30 лет. Про что он?

— Фильм называется «Измерение». Про что — не скажу, не имею права. Это большой секрет. Мы встречаемся раз в год, снимаем достаточно много материала, из которого потом отбирается 3 минуты. Премьера будет в 2024 году, когда наберется минут 90 экранного времени. Могу сказать, что там отличный сценарий, в который все мы очень серьезно погружены. Наверное, потому что понимаем: когда выйдет этот фильм, мы все будем уже стариками. Скажем, мне будет 80. Вообще для актера участие в таком проекте большая удача — почувствовать, что обеспечен работой на 30 лет вперед. Вот приходят к тебе люди с какой-нибудь ерундой, а ты им говоришь: «Простите, но до 2024 года я занят. Работая».

— Каково работать с фон Триером?

— Замечательно. Это человек, который постоянно придумывает новые удивительные вещи. Он один из моих самых близких друзей, и я этому весьма рад.

— Он последнее время становится таким человеком-загадкой...

— То не его вина. Ларс — вполне открытый человек, к слову сказать, я за последнее время ни с кем не читал такого количества интервью, как с ним. Просто он не путешествует. Потому, если вы хотите спросить его о чем-то, надо самому приложить какие-то усилия: поехать в Данию, или позвонить, или написать e-mail.

— Расскажите о вашей работе в «Тени вампира» Элиаса Мерхайджа.

— У меня там третья по значению роль, я играю продюсера. Малкович, который играет Мурнау, вполне возможно, получит за эту роль «Оскара». Это отличное кино, и я очень надеюсь, что мне удастся к концу фестиваля раздобыть одну копию для разового просмотра в Москве.

— Вы любите говорить, что предпочитаете роли злодеев, так как зло изначально интереснее добра...

— Конечно, интереснее. Ведь зло, в отличие от добра, не стеснено никакими рамками. Хороший человек заведомо ограничен в своих действиях. Чтобы оставаться хорошим, он должен что-то делать для других, как Мать Тереза, скажем... И в результате бац — он становится святым, и все... стоп, дальше некуда. Зло же не имеет рамок: всегда найдутся новые неопробованные способы причинять зло. На днях перед отъездом из Германии я прочел в газете статью про молодую мать, которая убила своих детей, положила их в морозилку и полгода там хранила вместе с едой. Вот это зло. Когда мы говорим себе: «Вот предел, ужаснее этого ничего быть не может», это самообман — всегда появляются новые способы убивать, простор для фантазии тут неограниченный, и подтверждение этого мы видим каждый день по телевизору.

— Почему ваш Дракула в фильме Энди Уорхола все время сидит в инвалидном кресле.

— Чего же тут непонятного? Он слабенький, потому что у него нет крови. Ему нужна кровь девиственницы, а девиственниц вокруг нет, и вот он слабеет и чахнет. Есть, впрочем, и вторая причина. Уорхол и Пол Моррисси снимали «Франкенштейна» и «Дракулу» впритык, и в «Дракуле» я поначалу не планировался. В последний момент Моррисси огорошил меня этой радостью. Пришел и говорит: «Вот, нашли отличного немца на роль Дракулы. Тебя. Только, будь другом, сбрось 10 кило до начала съемок». И с того момента до начала съемок я вообще ничего не ел. Так что еле держался на ногах, и инвалидное кресло оказалось очень кстати.

— Скажите, как эксперт по вампирам, кто самый лучший киновампир: Лутоши, Кински, Олдман?

— Оригинал заведомо лучше самой талантливой копии. «Терминатор-1» всегда победит «Терминатора-5». Так что лучший вампир — самый первый — Макс Шрек в «Носферату». Гарри Олдман, конечно, отличный актер, но если сейчас сравнить «Дракулу» Моррисси и «Дракулу» Копполы, становится очевидно, что первый куда страшнее, несмотря на то, что во втором полно всяких эффектов. Сейчас вот сняли «Дракулу-2000» — там еще больше эффектов. Но не страшно. В этом одна из бед современного кино.

— Вы же европейский актер. Почему вы живете в Америке?

— Все дело в пальмах. Когда я был маленький и жил в Германии, у нас совсем не было денег. Единственным обеспеченным человеком в семье была моя тетя, и вот она ездила в круизы за границу и постоянно присылала оттуда открытки с пальмами. Это, конечно, было чистой воды издевательством. Я и пальму-то впервые увидел в 19 лет, а она все слала и слала эти открытки. Такая жестокая была у меня тетя. Зато теперь у меня есть свои собственные, личные пальмы, растут в моем дворе. А кроме пальм там у них очень развитое и оживленное кинопроизводство. К тому же то, что я живу в Америке, никоим образом не мешает моей работе как европейского актера.

— Так сложилось, что вы работали почти со всеми, кого сейчас называют «культовыми режиссерами», — с Фасбиндером, Вендерсом, Ван Сантом, Ардженто, фон Триером. Кем бы вам хотелось продолжить этот список?

— Хотел бы поработать с Кубриком. Он, правда, умер. Или с Дэвидом Линчем, тоже было бы интересно.

— Дарио Ардженто сказал, что Москва — идеальная площадка для съемок фильма ужасов. Вы согласны?

— Раньше так оно и было, но теперь нет. Я уже бывал в Москве, очень давно, еще при коммунистах, и тогда это был совершенно серый монолитный город. А теперь все по-другому. Ардженто, наверное, не ездил по Москве ночью и не видел, сколько у вас стало рекламы. Я, если останется время, хочу сделать фотосерию, показать, как реклама изменила облик города. Мне, кстати, такая перемена вполне по душе. Но для съемок фильма ужасов Москва уже не годится.